

Юлия ТИТОВА

Российская история глазами школьника

Анализ учебников 1960—1990-х гг.

Введение

Становление личности происходит под несомненным воздействием школы и, в частности, в связи с характером преподавания в ней гуманитарных дисциплин. Разумеется, многое зависит здесь от семьи, круга общения, личности учителей и т.п., однако эти факторы строго индивидуальны и должны рассматриваться применительно к каждому конкретному случаю.

Что же касается крупных составляющих образования и воспитания, то среди них (особенно для советского периода отечественной истории) наиболее общим является школьный учебник.

Взгляды на историю существенно менялись, менялся учебник, трансформировались представления молодых людей о прошлом. Таким образом, у разных поколений могли возникнуть отличные друг от друга образы истории: разные события могли выходить на первый план, меняться список героев, общая картина складывалась в каждом случае с некоторыми изменениями.

Образ прошлого для ребенка при начальном ознакомлении складывается из событий и образов исторических деятелей. Только после этого может начаться - далеко не всегда — осмысление. Поэтому роль учебника истории на этом — начальном — этапе переоценить трудно.

В этом смысле он важен не только как текст, но как воздействие, которое оставляет на читателе-ученике некоторый след.

Такое двойное рассмотрение позволяет нам поставить ряд задач, решению которых посвящена настоящая работа.

- 1.** Выяснить, кто из персонажей русской и мировой истории был в отдельные периоды эпохи 1960—1990-х гг. наиболее популярным.
- 2.** Проследить изменения в понимании прошлого, которые происходили в школьном историческом образовании.
- 3.** Определить, насколько устойчив детский образ истории и от чего это зависит.
- 4.** По возможности сравнить эти образы у представителей различных поколений; выявить в них типовые (для всего поколения) черты.
- 5.** Выявить особенности преподавания истории на отдельных временных отрезках.

Для достижения поставленных целей использовалось несколько видов источников.

В первую очередь это учебные издания по истории. По ним составлялся рейтинг-лист персонажей, основанный на количестве упоминаний, и проводились сравнения трактовок различных событий.

К текстам 17 учебников издания 1960—1990-х гг., посвященных периоду с древнейших времен до наших дней, был применен метод частотного анализа, аналогичный употребленному в работе в.Храпова «Кого дают в герои нашим детям?»

Было подсчитано, сколько раз встречаются в этих текстах те или иные личности: по каждому изданию и в виде сводной таблицы.

Один учебник, вышедший в свет до революции (Н.В.Тулупов, П.М.Шестаков. Очерки и

рассказы для первоначального знакомства с историей. М., 1909), рассматривался лишь обзорно, т.к. представлял другой временной отрезок.

Производился и подсчет упоминаний о каждом персонаже по всем учебникам одного периода.

Сводные данные (общие и по периодам) распределялись по сферам деятельности личностей (государственные деятели, деятели культуры, общественных движений, военные деятели, предводители и участники народных выступлений и др.). Эта работа составляет содержание главы «Герои русской истории: кто они?»

Второй массив информации составили статистические данные, полученные в результате опросов. Они позволили представить список наиболее популярных исторических деятелей, а также установить, какое влияние на формирование образа истории у ученика оказывает учебник, что из учебника остается в памяти человека на всю жизнь, а что — долго не задерживается.

В общей сложности было опрошено 79 человек. Каждый должен был назвать имена 10 персонажей русской истории, а затем расставить их по рейтингу в зависимости от степени значимости.

Затем эти данные распределялись по возрастам опрошенных (соответственно рассмотренным учебникам было выделено 3 возрастных категории: ученики шестидесятых — семидесятых, ученики восьмидесятых и ученики девяностых годов).

Полученные ответы сводились в таблицы. Отдельно группировались (по каждому возрасту) сведения, полученные у респондентов, связанных с историей по роду деятельности и не имеющих к ней профессионального отношения.

Такое разделение позволило проверить насколько совпадают образы истории у людей этих двух категорий.

Кроме источников была использована специальная литература: методические разработки по преподаванию истории в школе, пособия для учителей, современные исследования и научные статьи, которые посвящены анализу школьных учебников истории и изменениям в ее преподавании.

Из методических пособий можно выделить следующие:

Бирковский в.Г. Методика обучения истории в средней школе. 1978.

Лизогубов С.А. Преподавание истории СССР: из опыта работы. 1972.

Вагин А.А. Методика преподавания истории в средней школе. 1968.

Луцкий Е.А. История СССР: пособие для учителей. 1956.

Они позволили понять задачи, которые ставились перед преподавателями, а также основные требования, предъявляемые к ученику.

Более подробно следует остановиться на исследованиях, посвященных школьным учебникам истории и преподаванию истории в целом. Среди них особое значение для нашей темы имеют:

Р.Майер. «Силы демократизации в России: преподавание истории в школе и подготовка новых учебников.

Статья в основном посвящена тому, где и как готовятся учебники истории для современной России. Особо ценно для данной работы было указание черт «тоталитарных» учебников истории, многие из которых были выявлены еще до ознакомления с указанной публикацией, которая всё же помогла мне обозначить более четкие критерии для сравнения учебников 1960—1980-х и 1990-х гг.

М.Ферро. «Как рассказывают историю детям в разных странах мира». 1992.

Книга посвящена различиям между реальными событиями и их образами, которые формируются у детей. В главе, посвященной СССР, подробно описаны изменения в преподавании истории со времен революции, а также наиболее спорные вопросы, освещение которых подверглось особой коррекции. Этот труд принес мне понимание

того, что искажение реальных фактов вовсе не является особенностью преподавания истории в нашей стране.

В.Хранов. «Кого дают в герои нашим детям?»

Статья построена на результатах контент-анализа учебников 1980-х гг. Очень сходным с данной работой является подход к установлению «главной личности» в истории.

Для получения информации об общей исторической ситуации того периода, к которому относятся рассматриваемые учебники, использовались и современные учебные пособия по XX веку:

Н.Верт. История Советского государства. 2000.,

В.А.Поцелуев. История России XX столетия. 1998.; *А.А.Левандовский, Ю.А.Щетинов.* Россия в

XX веке. 1997.

Книги *Д.И.Фельдштейна* «Психология взросления» (1999) и *Г.С.Абрамовой* «Возрастная психология» (1999) были использованы для уточнения сведений о том, по каким критериям чаще всего происходит формирование списков исторических персонажей при опросах.

Глава 1. Освещение проблемных вопросов в учебниках 1960—1990-х годов

Неотъемлемой частью преподавания истории в разные периоды было изложение фактов и рассказ о процессах, протекающих в государстве. Но, поскольку взгляд на историю менялся, то и «набор» фактов менялся, и процессы эти характеризовались по-разному.

В качестве примера можно рассмотреть, как изменился взгляд учебника 1960-1990-х гг. на складывание русского государства, раздробленность, централизацию и т.д. Для этого нами привлечены следующие издания: М.В.Нечкина, П.Б.Лейбенгруб (1966); П.П.Епифанов, И.А.Федосов (1963); И.А.Федосов (1975); Б.А.Рыбаков (1989); А.Н.Сахаров, в.И.Буганов (1997); Л.А.Кацва, А.Л.Юрганов (1997).

Школьные учебники 1990-х гг. выбраны среди великого множества изданий, охватить которое не было возможности. В связи с этим мы остановились на тех, которыми пользовались наши респонденты. Они же, надо думать, относятся к числу наиболее популярных. Именно по ним ведется обучение в непрофильных классах.

Комплекты же учебников других периодов (1960-х гг.) были составлены по воспоминаниям отдельных, особо внимательных учеников, а также по степени распространенности как в школьных, так и в других библиотеках.

Для новейшего периода (1997) использовались два издания, сильно отличающихся друг от друга.

Так, учебник А.Н.Сахарова и в.И.Буганова гораздо более напоминает старые: не предлагает вопросов для размышления внутри параграфа, в меньшей степени относится к дискуссионным особенностям проблем.

В связи с этим его трудно причислить к «новым», и говоря об изменении учебной литературы, мы будем обращаться к книге Л.А.Кацвы и А.Л.Юрганова (1997).

Сравнение описаний событий для удобства разделено на сферы внутренней и внешней политики. От рассмотрения экономических вопросов пришлось отказаться, так как эта тема требует иного, нежели фактологическая часть, подхода. Кроме того, выяснилось, что тема «Экономика» в памяти ребенка обычно не фиксируется.

Не вызывает сомнения, что прежде чем говорить о государстве, в том числе и древнерусском, необходимо рассказать о его возникновении. Но для учеников 1960-х гг. образование нашего государства было покрыто мраком.

Вопрос о возникновении древнерусского государства, относящийся к началу всех

упомянутых книг, претерпел на протяжении 40 лет существенные изменения.

М.В.Нечкина и П.Б.Лейбенгруб (1966) сообщают:

«Древнерусское государство складывалось постепенно. В конце IX в. княживший в Новгороде князь Олег подчинил своей власти Киев. Этот город стал центром древней Руси».

На этом сведения о начальном периоде государственности исчерпывались.

Примечательно, что о варяжских корнях князя не говорилось. Олег становился первым именованным князем из цепи предыдущих — безымянных. О Рюрикe, даже как о легендарной личности, не узнают и повзрослевшие дети из пособия для X—XI класса П.П.Епифанова и И.А.Федосова (1963).

В этом учебнике упоминается другой легендарный основатель княжеской династии — Кий. Сведения о нем также ограничены: он присутствует в тексте лишь как основатель и герой-эпоним Киева.

Сведения о варягах, предназначенные для семиклассников, сформированы так, что допустить возможность их отношения к складыванию нашего государства вряд ли возможно:

«Разбойничьи набеги варягов в IX в. держали в страхе многие страны Европы. Они грабили Русь, убивали жителей, стремились овладеть водным путем “из варяг в греки”... Варяжские дружины захватили Новгород и другие русские города. В борьбе с местным населением многие варяги погибли, а оставшиеся быстро ославянились» (М.В.Нечкина, П.Б.Лейбенгруб).

Таким образом, данные учебники не отражают ни норманской, ни любой другой гипотезы образования Древнерусского государства. Вместе с первыми князьями оно является некоей данностью, словно падая с неба.

Совсем иная картина должна сложиться у учеников 1990-х гг. Уже в учебнике Л.А.Кацвы и А.Л.Юрганова вопрос о создании государства представлен как дискуссионный.

Приводятся взаимоисключающие теории: норманская и принадлежащая

М.В.Ломоносову. Ученики 1990-х гг. имеют возможность мыслить, а не воспринимать и воспроизводить единые схемы.

Следующим важным вопросом является принятие Русью христианства. Здесь необходимо заметить, что эта важность признается таковым лишь в учебниках 1990-х гг., а в 1960—1980-е гг. основной акцент делался на войнах, особенно походах Святослава (см. главу о личностях).

В описании христианизации Руси подчеркивается исключительная жестокость насаждения новой религии и пагубность ее последствий для населения.

«Христианство поддерживало господство феодалов над крестьянством и укрепляло княжескую власть» (М.В.Нечкина, П.Б.Лейбенгруб).

Парадоксально, что так же (негативно и сходным образом) в этом учебнике оценивалось и язычество.

«Языческие верования вселяли в людей суеверный страх перед силами природы, принуждали подчиняться невежественным гадалкам, колдунам и волхвам».

Положительным последствиям принятия христианства посвящен лишь один абзац (для описания отрицательных последствий и жестокостей этого события выделены две страницы).

Развивающаяся личность не должна была получать подробных сведений о положительной роли религии. Предполагалось внушить, что любая вера — ненормальна и пагубна. Вероятно, это связано с тем, что исповедание любой конфессии в советской время рассматривалось как отрицание основной идеологии, которая сама по себе приобрела многие черты религии.

Принципиально отличается повествование о принятии Русью христианства в учебниках

1990-х гг. (Л.А.Кацава, А.Л.Юрганов). Прописными буквами выделено: «произошло одно из величайших событий многовековой истории — РУСЬ ПРИНЯЛА ХРИСТИАНСТВО». Здесь видное место занимает перечисление благоприятных последствий: развитие культуры, выход на мировую арену, особо подчеркивается цивилизационный подход к рассмотрению этого вопроса.

Таким образом, ученикам предоставляется возможность ощутить связь российской и мировой истории.

Эпоха раздробленности также представляет интерес. Взгляд на причины ее возникновения практически не изменился. Однако в учебниках 1990-х гг. стали выделять гораздо больше положительных ее последствий. Школьники могут узнать, что она явилась толчком к развитию самобытной культуры каждой земли.

Негативное отношение к эпохе раздробленности в прошлом можно объяснить тем, что идеалом считалось большое и сильное (особенно превозносилась военная мощь) государство. Поскольку военные силы всей страны в этот период ослабли, то и сам он в целом должен был представляться детям как отрицательный.

Одним из последствий раздробленности называлось установление монголо-татарского ига. Описание событий практически не изменилось, однако захватчики в учебниках 1960-х гг. представлялись более жестокими и описаниям зверств уделялось гораздо больше места.

Конечно же, мало сообщалось о жизни и быте монголо-татар. Основное внимание уделено лишь их военной организации. В лучшую сторону от современных учебников в этом смысле отличается книга под редакцией Б.А.Рыбакова (1989).

Там присутствует описание кочевой культуры и множество иллюстраций по данной теме. Ни один рассмотренный учебник не обошелся без знаменитого положения (хотя оно и варьируется, не повторяясь дословно):

«Только благодаря сопротивлению Руси страны Западной Европы не были покорены монголо-татарскими захватчиками» (М.В.Нечкина, П.Б.Лейбенгруб).

Эта фраза — в любом ее виде — свидетельствует о том, что учебники всех периодов прежде всего должны воспитывать настоящих патриотов.

После проблем, связанных с периодом раздробленности, логично рассмотреть изменение взглядов на создание централизованного государства. Основное различие представлений, которые должны были получить дети разных поколений об этом этапе, состоит в том, что в 1960-е гг. централизация представлялась безальтернативной.

В тогдашних учебниках возвеличивалась роль Москвы как центра объединения и почти не рассказывалось о Галиче, Твери или Литве. Например, о том, что Тверь «соперничала» с Москвой сказано всего два раза: «Тверское княжество было сильным и соперничало с Московским», и уже после присоединения Твери: «Присоединение сильного Тверского княжества было очень важно: Тверь раньше соперничала с Москвой» (М.В.Нечкина, П.Б.Лейбенгруб).

Здесь упоминается о каком-то «соперничестве», но абсолютно не раскрывается смысл этого выражения. О том, что речь идет о праве быть центром объединенной Руси не говорилось ни слова. Естественно, сам ребенок понять этого не мог. Такой прием (недосказанность) часто будет использоваться и в дальнейшем авторами советских учебников. Вроде бы о чем-то упомянули, но значения упомянутого не раскрыли.

Так же обстояло дело с Литвой. Великое княжество Литовское являлось возможным центром централизации русских земель, а «вхождение русских земель с их более высоким общественным строем и культурой в состав Литовского княжества оказало большое влияние на развитие культуры литовского народа» (П.П.Елифанов, И.А.Федосов).

Некоторое отступление от принципа «недосказанности» наблюдается уже в конце 1980-х

гг. «Между различными княжествами Северо-Восточной Руси с конца XIII в. шла упорная борьба за главенство в русских землях. К этому времени значение наиболее крупного экономического и политического центра Северо-Восточной Руси приобрела Тверь».

Всё же роль Москвы на скромном фоне других княжеств была превалирующей. Чтобы это заметить, достаточно обратиться к информации об основании Москвы в учебниках разных лет.

«Знаменательным событием явилось основание Москвы — столицы нашей великой Родины... Раскопки советских археологов открыли, что уже в XII—XIII вв. в Москве возник посад с ремесленным населением. В то время Москва была большим городом с церквами, монастырями и богатыми селами в округе».

В новейшем учебнике (Л.А.Кацва, А.Л.Юрганов) авторы уже задаются вопросом: «Как случилось, что именно Москва, второстепенный городок Владимиро-Суздальской земли, стала столицей огромной Российской державы?» И вместе с учеником приходят к выводу, что «Москва *могла* стать центром объединения, но не обязательно *должна* была им стать».

Еще одним примером стиля «недосказанности» в учебниках 1960-х гг. является повествование о Смутном времени. Здесь для России также присутствовала возможность выбора иного пути развития, не меньшая, может быть, чем в период революции. И связана она была с именем польского королевича Владислава. Его приглашали на престол, но занять его он мог, лишь ограничив свою власть. Такими предстают себе эти события ученики

1990-х гг.

Школьники 1960-х гг. об этой альтернативе могли узнать, листая учебники своих детей... А любые действия поляков во время смуты «при них» авторы представляли как попытки завоевать страну. Само приглашение Владислава боярами виделось тогда «национальной изменой» (П.П.Епифанов, И.А.Федосов).

Проблемных вопросов в русской истории, разумеется, значительно больше, нежели подвергнуто рассмотрению. Здесь приведены наиболее ранние по хронологии, остальные же тесно связаны с именами каких-либо личностей, поэтому будут освещены подробнее в главе 2.

Военные действия рассматриваться подробно не будут, так как их описания остались практически без изменений, хотя особый интерес представляет эволюция в изображении отдельных моментов войн и битв.

Ученикам 1960—1980-х гг. врага представляли могущественным, превосходящим по силам. (Это отмечает и Р.Майер в статье «Силы демократизации...») Такой метод обеспечивал беспроегрешный результат: в случае удачного для России исхода военных действий еще раз подчеркивались мужество и героизм наших воинов. При ином исходе те же герои оправдывались.

В качестве примера можно сравнить численность русской армии и армии Карла XII перед Полтавской битвой. О количестве воинов в шведской армии перед битвой в учебнике П.П.Епифанова, И.А.Федосова сведений нет. О численности русской сказано также немного: «Петр I двинул на помощь осажденной Полтаве главные силы русской армии — всего до 40 тыс. воинов с сильной артиллерией». Слово «всего» наводит на мысль, что армия Карла XII значительно превосходила русскую. Совершенно иная картина предстает после знакомства с описанием этой битвы в учебниках 1990-х гг. «Шведская армия под Полтавой имела около 30 тыс. человек. Но лишь 14 тыс. солдат были здоровы и боеспособны. Катастрофически не хватало пороха. И всё же Карл XII решил атаковать русскую армию, имевшую 102 пушки.» (А.Л.Юрганов, Л.А.Кацва).

После подобного сообщения победа в этой битве уже не предстает столь славной.

Здесь мне впервые пришлось столкнуться с намеренным искажением фактов в учебниках советского периода. Ведь подобные разногласия уже нельзя объяснить разными взглядами на одно и то же событие. Этот случай по-настоящему поразил меня, так как ложь, которую преподносят детям, абсолютно неприемлема.

Рассмотрим также войну с Наполеоном. В учебниках 1960—1980-х гг. представлены одни и те же цифры на начало войны: 640 тыс. у Наполеона и 230 тыс. русских. (И.А.Федосов., П.П.Епифанов и И.А.Федосов и др.). Это мнение, утвердившись один раз, больше не сходило со страниц учебников.

В 1990-х гг. пришли перемены, заключавшиеся том, что уже могут существовать различные мнения. В некоторых (В.И.Буганов, П.Н.Зырянов. 1997; П.Н.Зырянов. 1996) указаны те же цифры, но уже можно найти и другие: 450 тыс. — у Наполеона, 320 тыс. — у русских (История России / Под ред. в.В.Шелохаева. 1996).

Как указывает Марк Ферро в своей книге — единство всех взглядов на историю было характерно для СССР. Появление различных мнений в учебниках может дать ребенку многое. Допустимость различных взглядов и версий — возможность не бояться выразить собственное мнение, развивать индивидуальность.

Описание военных действий служило целям воспитания патриотизма, поэтому победы приукрашивались, а поражения — замалчивались. Ярким примером тому может служить несколько значимых для нашей страны битв. Первая из них — Ледовое побоище, удостоенное подробного описания в учебниках всех периодов. Обычно ее результаты сильно преувеличиваются. «Цвет рыцарского войска был уничтожен» (П.П.Епифанов, И.А.Федосов).

В современном учебнике (Л.А.Кацва, А.Л.Юрганов) появляется то, что ранее отсутствовало: обоснованное сомнение в источниках.

Например, «В новгородской летописи сообщается, что во время битвы погибло “чуди без числа, а немец 400”. Если учесть, что все они были рыцарями, то Ледовое побоище следует признать грандиознейшей битвой... Совершенно очевидно, что в числе “немец 400”, павших на льду Чудского озера, были не одни рыцари, но также их оруженосцы и военные слуги».

То же справедливо и в отношении Бородинской битвы. Если в учебнике П.П.Епифанова и И.А.Федосова Бородино названо «крупной победой русских», то в учебниках 1990-х гг. над вопросом: кто же остался победителем? — предлагается поразмышлять самим читателям-ученикам. Еще более неприятно, что для воспитания патриотизма было принято не только возвеличивать своих, но и очернять иностранцев. Не верится, что это приводило к формированию патриотических чувств: а скорее уж возникала ксенофобия. Выявив основные различия в приемах изложения, характерных для учебных пособий разных лет, мы переходим к изображениям персонажей отечественной истории.

Продолжение следует

Юлия ТИТОВА

Российская история глазами школьника

Анализ учебников 1960—1990-х гг.

Окончание. Начало в № [27](#)/2001

Глава 2.

Герои российской истории: кто они?

Вопрос о том, по каким законам развивается история, и существуют ли они вообще, до сих пор является дискуссионным. Но, независимо от этого, описание прошлого невозможно без изображения отдельных личностей.

Во все времена для школьников в каждом историческом периоде рисовали образы героев и антигероев: это делало повествование ясней, наглядней и интересней.

Нет ничего удивительного в том, что с течением времени и изменением господствующих взглядов эти фигуры менялись местами не только на страницах учебников, но и в сознании людей. Установить факты таких «смен знаков» помогут как приводимые характеристики личностей, так и количественный анализ числа упоминаний о них.

Предполагается, что каждый ученик прочел все учебники по истории за курс средней школы. Поэтому сводные таблицы встречаемости персонажей были составлены на основе учебников 1960-х, 1980-х и 1990-х гг., охватывающих период с древнейших времен до наших дней (все эти учебники были представлены в списке выше).

Сводные данные для каждого периода распределялись по сферам деятельности (государственные деятели, деятели культуры, руководители общественных движений, военные, предводители и участники народных выступлений и др.).

Понятно, что безусловного соответствия личности только одной из перечисленных сфер может и не быть. Поэтому некоторые персонажи отнесены сразу к нескольким сферам, другие — не нашли себе определенного места ни в одной.

Иногда деление на сферы выглядит условным или спорным. Я старалась по мере возможности учитывать тот контекст, в котором упоминалась личность, конкретную ситуацию этого упоминания.

Так, например, Иван Грозный — писатель или скульптура Антокольского — вряд ли могут быть отнесены к сфере культуры, хотя некоторые формальные основания для этого имеются.

Уже при составлении общих таблиц можно сделать некоторые интересные наблюдения. Как свидетельствуют психологи, запоминание может быть достигнуто лишь после не менее 20 упоминаний чего-либо или кого-либо. В связи с этим стоит обратить особое внимание на те имена, которые расположились в итоговых таблицах выше указанной отметки.

В списках персонажей, относящихся к разным периодам, можно найти интересные закономерности. Для 1980—1990-х гг. они гораздо обширнее. В итоговом перечне, составленном по изданиям

1960-х гг., внимание сконцентрировано на периодах, близких к современности (XIX — начало XX в.). Часто встречаемых здесь почти 50% от общего количества (23 из 52).

Получается, что ранние века запечатлевались в памяти школьников в меньшей степени.

А в учебниках 1980—1990-х гг. периоды русской истории представлены почти равномерно: можно сказать, что в настоящее время историческое образование стало глубже.

Это заметно и по опросам: школьники 1990-х гг. часто называют героев «седой

древности» (Владимир Мономах, Владимир Святой), которые в опросах учащихся 1960-х гг. отсутствуют.

Такая «короткая память» была выгодна в недавнем прошлом, так как способствовала формированию типа «строителя коммунизма», ориентированного на «светлое будущее». Теперь рассмотрим лидеров всех трех итоговых списков. В учебниках двух периодов (1960—1970-е и 1980-е гг.) абсолютным лидером по количеству упоминаний является Владимир Ильич Ленин (так и хочется писать его имя полностью). Довольно высокий рейтинг у него и в учебниках девяностых, где он входит в «тройку лидеров».

Раньше учебные пособия не только программировали учащихся на запоминание имени Ленина, но и способствовали развитию уважительного — вплоть до восторженного — отношения к этому образу. Очень подробно рассказывалось о деятельности вождя, направленной на «создание единой пролетарской партии, которая поднимет его [народ — Ю.Т.] на революционную борьбу за победу социализма». (П.П.Епифанов, И.А.Федосов. 1963).

Вся история России (СССР) представляется здесь ареной борьбы Владимира Ильича против многочисленных врагов, иногда — еще недавних друзей. Она призвана доказывать неизбежность и истинность предлагаемого им пути. При этом любое ленинское решение или мнение описывается как верное и не подлежащее сомнению. Для этого использовались фразы типа: «Ленин указал», «решил великую задачу», «дал беспощадную критику», «заклеймил». Никаких альтернатив не существовало и существовать не могло. Кроме исключительной исторической роли возвеличивалась также научная деятельность Ильича. Он представал человеком, «выработавшим подлинно научный взгляд на историю общества», поэтому без ленинских указаний не обходился рассказ ни об одном историческом периоде. Оно и понятно, ведь «Высшим достижением русской и мировой культуры в эпоху империализма был ленинизм, оказавший огромное определяющее влияние на развитие всех отраслей знания, науки, литературы, искусства» (П.П.Епифанов, И.А.Федосов. 1963).

Величие Ленина освещало и освящало всё и вся поблизости, поэтому достойными упоминания в учебнике признавались личности и предметы, с которыми связан хотя бы мелкий эпизод из его жизни (например, И.М.Охотников). В учебнике И.А.Федосова (1975) помещены даже фотографии парохода, «на котором Ленин прибыл в ссылку», и дома «в селе Шушенском, где жил В.И. Ленин в годы ссылки».

Данные опросов свидетельствуют, что задача «воздвижения пьедестала» была в учебной литературе выполнена успешно.

Впрочем, решалась она не только в учебниках. «Работали» многие книги и фильмы о Ленине, предназначенные даже для самых маленьких, многочисленные портреты и памятники. Поэтому нет ничего удивительного в том, что особенно часто это имя в опросах называли люди старшего поколения, имеющие только начальное или незаконченное среднее образование. Характерно, что они редко могли вспомнить более 5 личностей, среди которых Ленин был первым, причем с большим отрывом. Роль его всегда оценивалась положительно.

Такое отношение вряд ли основано на понимании действительной роли персонажа, — о его деятельности респонденты, как правило, имеют представление довольно смутное, — но связано с тем, что Ленин является для них неким символом, под знаком которого прошла их жизнь.

Среди учеников 1980-х гг. количество людей, вспомнивших Ленина, несколько уменьшается. Это может показаться странным, если учесть, что количество упоминаний его имени в учебниках этого времени увеличивается (свыше 900) и получает подавляющее превосходство над всеми остальными. Особенно показателен в этом отношении учебник И.А.Федосова и И.Б.Берхина (1982). Здесь разрыв между «героем» Лениным (первое место в рейтинге) и «антигероем» Л.Д.Троцким (второе) достигает 714. Можно лишь предположить, что столь частое повторение стало вызывать у молодых людей некоторое

раздражение (случай хорошо известный в рекламном бизнесе).

Стремление увеличить популярность персонажа выразилось только в увеличении количества упоминаний, т.е. носило экстенсивный характер, что привело к истощению доверия.

Характеристики Ленина не менялись на протяжении целых десятилетий. Упоминаний незначительных персонажей, связанных с Лениным, становилось всё больше. Так в истории гражданской войны появляется фигура Г.Д.Гая — командира дивизии, освободившей от белых родной город Ленина — Симбирск, еще раньше называется имя Эйно Рахья — финского рабочего, помогавшего Ленину во время жизни в Разливе.

Школьникам предлагается узнать и об А.А.Андрееве — авторе воспоминаний о вожде.

В 1990-е гг. оценка роли Ленина сильно меняется. В это время в обществе начинают бытовать противоположные воззрения на его деятельность. Он может восприниматься как прежний «великий вождь народов мира», «вдохновитель безумного бунта», «борец за благо человечества» и даже «платный германский агент», действующий на погибель своей родине.

Школьные учебники в основном крайностей избегают, не оценивая более роль Ленина как исключительную, но и не принижая ее резко. Всё же ощущается, что происходит резкий сдвиг в трактовке образа. Об этом можно судить по совершенно неприемлемой для учебника советского периода фразе: «В начале февраля [1918 г. — Ю.Т.], выступая на одном из московских заводов и рассказывая о страданиях трудящихся капиталистических стран, был освистан» (В.П.Островский, А.И.Уткин. 1996).

В новейших учебниках Ленин предстает не как непогрешимый вождь, а как талантливый и жесткий организатор партии, сумевший привести ее к власти. В нем подчеркивается гибкость, позволившая осознать необходимость перемен в политической и экономической жизни страны (введение нэпа).

Всё чаще употребляется выражение «большевистское правительство», а не «правительство Ленина» или просто «Ленин», как это было заведено раньше.

Для респондентов, обучавшихся в последнее десятилетие, Ленин становится второй по значимости исторической личностью, сделав огромный «шаг назад», но и не «выпав из обоймы». Причиной этого — помимо вполне закономерной инерции общественного сознания — можно считать связь этой фигуры с теми коренными изменениями, которые, независимо от их оценки, завораживают своими масштабами.

Такая интерпретация подтверждается тем, что другим несомненным лидером по общим итоговым спискам трех периодов учебников является Петр I. Он занимает первое место в таблице, составленной по учебникам 1990-х гг., и второе в 1960—1970-х гг. и 1980-х гг. Абсолютное лидерство принадлежит ему и по опросам респондентов всех возрастов, и оно мало подвергается изменениям по времени.

В книге для начального знакомства с русской историей, изданной до революции, Петру также уделялось достаточно много внимания, однако количество упоминаний его имени не слишком превышало количество упоминаний других императоров и императриц.

В эпоху Сталина Петр I вышел на первый план в истории, отражая стремление подчеркнуть необходимость сильной центральной власти, увеличения армии и флота даже путем жестокостей и человеческих жертв. Поэтому период его правления особенно тщательно изучался и широко отражался в искусстве. Это, надо думать, и определило лидирующую позицию Петра в опросах людей старшего возраста.

После смерти Сталина пропаганда «через историю» становится менее прямолинейной, и исключительность положительной роли Петра подвергается некоторым сомнениям.

«Крупные реформы в области экономики, культуры, военного дела и государственного устройства страны подготовило всё предшествующее социально-экономическое развитие русского общества. Они были исторически закономерным явлением, а не делом одной великой личности. (П.П.Епифанов, И.А.Федосов. 1863).

В заслугу Петру ставилось теперь то, что он смог преодолеть консервативные настроения

в обществе и перейти к реформам. «Ломая сопротивление реакционного боярства и духовенства, Петр I решительно встал на путь преобразований». Не забывали и военные победы, «выдвинувшие Россию в ряд великих держав Европы» (П.П.Епифанов, И.А.Федосов. 1963).

Этому сопутствовала серьезная критика крепостнического характера петровских реформ, но запоминалась она вяло, так не содержала столь ярких картин, как победы или преобразования.

Необычайную популярность Петра у учеников 1990-х гг. можно отчасти объяснить именно этим давним стереотипом. Кроме того, в России во все времена чрезвычайно популярной была идея сильного государства. Поскольку деятельность Петра I была направлена на становление России как великой державы, в наши дни, когда этот статус утрачен, внимание к его эпохе можно расценивать как надежду всех поколений на восстановление былого могущества нашей страны.

В учебниках 1990-х гг. оценка личности первого императора практически не изменилась, оставшись положительной. Только на первый план вышли реформы, несколько оттеснив описания побед в войнах. Реформы вновь стали исключительно прогрессивными (их «крепостнический характер» не упоминается), а военные успехи становятся побочной линией в общем течении повествования.

Роль царя здесь безоговорочно признается выдающейся: «Петр немало усилий и нервов тратил для организации строительства мануфактур и торговых судов, дорог и каналов...» (В.И.Буганов, П.Н.Зырянов. 1997). Впрочем, жестокость реформатора, как и в учебниках 1960-х гг., не отрицается, но трактовка ее изменилась полностью. Если раньше она объяснялось классовой сущностью поведения любого представителя власти, то в учебниках 1990-х гг. годов «грубость и жестокость, вседозволенность и пренебрежение к человеческому достоинству, произвол в политике и быту» являются следствием «привычки к власти» (В.И.Буганов, П.Н. Зырянов. 1997).

Третьим лидером по количеству упоминаний в учебниках 1990-х гг. годов стал И.В.Сталин. Данные опросов представителей всех поколений свидетельствуют о том, что имя Сталина осталось в народной памяти вне зависимости от оценки его деятельности. Это можно объяснить непрекращающимся потоком информации о Сталине в средствах массовой информации вплоть до наших дней, поэтому столь высокие показатели мало что могут сказать о том, какое внимание ему было уделено в учебниках того или иного периода, где количественные и качественные характеристики этого образа существенно изменялись.

В итоговом списке личностей по учебникам 1960-х гг. Сталин не упоминается ни разу. Конечно, рассмотрен период лишь до Февральской революции, однако в учебных пособиях «старшего поколения» для той же эпохи это имя — среди наиболее часто встречающихся.

Такой крутой поворот — прямое следствие XX съезда КПСС, резко осудившего «культ личности». Имя Сталина чаще упоминалось в негативном контексте, что не могло способствовать его забвению в народной памяти: слишком свежи были старые впечатления от непрерывного восхваления «гения всех времен и народов». Более того: резкая «смена знака» способствовала лучшему запоминанию.

Ученики, читавшие учебники без упоминаний Сталина, получали информацию о нем из других источников: от родителей и других старших по возрасту людей. Поскольку масштабы репрессий скрывались, то деятельность бывшего правителя в обществе оценивали в основном положительно. Былой страх перед ним и всей системой нуждался в оправдании и перерастал в глубокое уважение.

Вслед за этим последовал период новой «сталинизации» учебников, хотя еще еле заметной. В итоговом списке по учебникам 1980-х гг. имя Сталина упомянуто всего 8 раз и только в одном учебнике — И.А.Федосова и И.Б.Берхина (1982), то есть на исходе эпохи «застоя», когда критика сталинизма стала вызывать подозрения в нелояльности

советскому режиму вообще. При этом в тексте нет ни слова о роли генерального секретаря в проведении коллективизации и достижениях первых пятилеток. Сталин упоминается в связи с Великой Отечественной войной, но всего лишь 3 раза. Шагом назад по сравнению с шестидесятыми является характер рассказа о решениях XX съезда. Здесь сказано о критике культа личности Сталина, однако никаких пояснений к этим сведениям не дается: «На съезде была дана партийная критика культа личности И.В.Сталина. В опубликованном постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. “О преодолении культа личности и его последствий” подчеркивалось, что культ личности противоречит природе социалистического строя». (В.В.Мальков. Пособие для поступающих в вузы. 1985). Учебники 1990-х резко отличаются от своих прототипов 1960—1980-х гг. Сталин упомянут в них гораздо большее количество раз, причем в негативном контексте — значительно чаще. Теперь всё больше объема текста отдается описаниям репрессий и системы ГУЛАГа. Коренным образом меняется взгляд на коллективизацию.

В прежних учебных пособиях она предстает закономерностью, а некоторые перегибы — вынужденной мерой против деятельности кулачества: «В 1928 г. кулаки организовали “хлебную стачку”. Они прекратили продажу хлеба не только государству, но и на рынках. Взвинчивая цены на хлеб, кулаки прятали, гноили, сжигали хлеб... Саботаж и срыв хлебозаготовок вынудили правительство применить к кулакам ряд чрезвычайных мер». В современных — она остается тщательно спланированной, но не единственно возможной мерой. По такому же принципу рассматривается индустриализация, причем рассказ об этих процессах сопровождается демонстрацией их негативной стороны, которая ранее замалчивалась полностью.

Оценки деятельности Сталина (как и Ленина) в современном обществе очень противоречивы. Здесь так же сильно прослеживается разделение по возрастам. Многие считают Сталина достойным уважения за порядок, который, как считается, был создан им в обществе, и за победу в Великой Отечественной войне.

Этой точки зрения придерживаются в основном представители старшего поколения, однако и среди радикально настроенной части молодежи и людей средних лет можно встретить подобные мнения.

Не меньшее число респондентов обращает внимание на жестокость Сталина — политическую и личную. Возможно, именно противоречивость этого образа и подогревает интерес, который проявляется к нему в обществе.

Петр Великий, Ленин и Сталин — лидеры по количеству упоминаний в учебниках.

Данные опросов во многом подтверждают такое положение, хотя некоторые комбинации дают иные результаты.

В тройку лидеров может входить и Екатерина II. Она, кстати, является единственной женщиной, которая перешла «рубеж 20» по количеству упоминаний в учебниках 1960—1970-х гг. При этом в опросах ее чаще называли ученики 1980—1990-х гг. Примерно одинаковой популярностью пользуется императрица как у связанных с историей респондентов, так и у тех, кто этой наукой профессионально не занимается.

В современных учебниках личности и политике Екатерины Алексеевны стало уделяться заметно больше внимания. Впрочем, причину возросшей популярности «матушки-императрицы» не стоит искать исключительно в сфере образования. Наверное, дело еще и в том, что именно в последнее время стали снимать красивые фильмы об этой эпохе, публиковать новые и переиздавать старые книги о ней.

Широкий читатель смог оценить Екатерину не только как правительницу, но и как личность примечательную и замечательную. Этому способствует и возвращение в сознание масс трактовки века Екатерины как «золотого», свойственной историографии XIX в. Отодвигаясь в прошлое, эта эпоха становится, подобно античности и рыцарству, менее реальной и более легендарной, а легенда — всегда привлекательней, нежели действительная история.

Наряду с Екатериной II в списке лидеров по опросам выделился Иван IV. Самое высокое

положение он занял по результатам опросов учеников 1990-х гг., занимая второе — после Петра I — место. Такая ситуация наблюдается как в гуманитарных, так и в остальных классах. Резкий количественный скачок популярности Грозного фиксируется и по учебникам, где он передвинулся с десятой позиции на четвертую, что нельзя объяснить только общим ростом количества упоминаний царей вообще (об этом будет рассказано ниже). Думается, что определяющим фактором здесь, как и в других описанных выше случаях, является противоречивость образа, гораздо более заметная в текстах учебников 1990-х гг.

В книге М.В.Нечкиной и П.Б.Лейбенгруба (1966) реформы Ивана Грозного упоминаются лишь вскользь, более подробно о них могут узнать только ученики IX класса из учебника П.П.Епифанова и И.А.Федосова (1963). В современных пособиях и опричнине, и реформам уделено примерно равное место при существенной переоценке этих явлений. Хотя основной целью опричнины по-прежнему называют централизацию страны и укрепление власти царя, меняется взгляд на тех, против кого она была направлена. Главными врагами царя в шестидесятых назывались бояре; теперь же опричнина видится чуть ли не «антинародным режимом». Централизация перестает отождествляться с укреплением личной власти правителя, а методы, которыми пользовался Иван IV для достижения своих целей, во всех учебниках подвергаются (как и раньше) критике. Очень важно, на мой взгляд, что в учебниках 1960-х гг. практически отсутствовали имена тех, кто оказал Ивану Грозному какое-либо сопротивление. Князь Курбский упомянут там лишь как предатель во время Ливонской войны, не рассказывается о его публицистических произведениях и истинных причинах побега.

В 1990-х гг. положение изменилось. Митрополит Филипп Колычев перешел здесь границу 20 упоминаний и даже был упомянут в опросах учеников гуманитарных классов.

Вызывает интерес еще один лидер по количеству упоминаний в опросах — Николай II. Упоминается он несравнимо большее количество раз людьми, не связанными с историей, да и в учебниках всех периодов не имеет очень высокого — для правителя — рейтинга (43-е место в общем списке и 14-е место для 1990-х гг.). Подобный скачок можно отнести на счет воздействия средств массовой информации, формирующих свой образ истории, особо впечатляющий людей не слишком образованных, ведь очевидно, что своей популярностью он обязан шумихе вокруг его имени в течение последних лет.

С течением времени менялось не только отношение к тем или иным персонажам: по-разному воспринимались и сферы их деятельности.

В учебниках 1960-х гг. здесь превалировали общественные движения и народные выступления, лидерам которых уделялось повышенное внимание. Более 20 упоминаний в этих изданиях имеют 16 таких персонажей, причем трое из них занимают очень высокие позиции по рейтингу (свыше 100). Это А.И.Герцен, Н.Г.Чернышевский и В.Г.Белинский, занимающие места с четвертого по шестое (Ленин, находящийся вне конкуренции, рассмотрен отдельно).

Однако ни один из них, как и любые другие представители общественных движений, не нашел места в опросах представителей разных возрастов. Это можно объяснить тем, что размышления, споры и создание теорий не воспринимаются людьми как истинная деятельность. (Единственным исключением из правила является А.Д.Сахаров, но он остался в народной памяти скорее из-за последствий его общественной и научной деятельности.)

Очень сходная ситуация наблюдается и в учебниках 1980-х гг., но там рейтинг названных личностей уже снижается, что можно расценивать как шаг на пути к демократизации учебников. Именно в этот период в текстах учебников появляются редкие упоминания о консерваторах. А в итоговом списке по учебникам 1990-х гг. среди личностей, связанных с общественными движениями, барьер в 20 упоминаний преодолели, наряду с представителями радикального направления русской общественной мысли, также либералы и консерваторы (К.Д.Кавелин, Н.К.Михайловский, П.Н.Миллюков, М.Н.Катков и

др.).

Если говорить о степени внимания к сфере общественных движений, то в учебниках 1960-х гг. она несравнимо выше, нежели в позднейших. При этом подавляющее большинство деятелей этого направления оказывались борцами против существующего режима. Такая непримиримая борьба отдельных личностей, а затем и целых партий была обязательным компонентом повествования о любом периоде, являлась силой, под воздействием которой происходила смена формаций. Возникла преемственность противостояния, которая должна была свидетельствовать в пользу неопровержимой победы коммунизма в светлом будущем. Других вариантов развития в учебнике не было. Партии и движения, существовавшие до большевиков, упоминались лишь в том случае, если их программа чем-либо напоминала программу этой партии или если они большевикам противостояли, терпя затем закономерное поражение.

Эту тенденцию можно проследить на множестве примеров. Как уже говорилось, учебники всех периодов предоставляют для запоминания трех представителей русской общественной мысли: А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского и В.Г.Белинского. Но их характеристики — личностные и деятельностные — существенно меняются.

В учебниках 1960-х гг. никогда не говорилось об изменении, которые претерпевали взгляды этих персонажей. По мере взросления они только еще более убеждались в правоте собственных идей, которые странным образом не вступали в противоречие между собой на страницах учебной литературы. Самой высокой похвалой для любого общественного деятеля был положительный отзыв, ленинские слова придавали значимость любым идеям, любой деятельности.

Одним из самых ярких событий, представленных в школьной программе для XIX в., было восстание декабристов. В 1960—1980-х гг. ему отводилось больше учебных часов, нежели позднее. Автором учебника для VII класса была М.В.Нечкина — известный исследователь декабристского движения. В ее трактовке резко заметна разница в отношении к руководителям восстания.

Известно, что декабристы имели два основных документа — «Русскую правду» П.И.Пестеля и «Конституцию» Н.М.Муравьева, первый из которых являлся более радикальным. Поэтому в итоговом списке деятелей общественных движений по учебникам 1960-х гг. П.И.Пестель находится по рейтингу на 6 пунктов и на 24 упоминания выше, нежели его либеральный соперник.

В 1990-е гг. ситуация существенно изменилась: теперь критике за нежизнеспособность подвергается именно этот проект. Положение его автора в итоговой таблице практически сравнялось с положением Н.М.Муравьева, который отстает только на один пункт и два упоминания.

В отношении декабристов следует отметить также и то, что в результатах опросов их имен нет, хотя, как выяснилось, об их восстании помнят многие.

Казалось бы, знание исторического события предполагает и знание людей, которые с ним связаны. С восстанием декабристов вышло как раз наоборот. Это можно объяснить тем, что в учебниках всех периодов очень мало говорится о роли каждого конкретного участника (только у В.И.Буганова и А.Н.Сахарова (1997) есть краткие сообщения о некоторых из них).

О самом выступлении 1825 г., его роли и последствиях, сказано несравнимо больше.

Кроме того, для учебников 1960—1980-х гг. характерно старание не касаться биографий вождей восстания.

Следующим важным этапом развития русской общественной мысли были споры западников и славянофилов. Последние показаны в учебниках 1960-х гг. как реакционеры, с минимальным количеством упоминаний. Это количество сильно возросло в учебниках 1990-х гг. (например, Ю.Ф.Самарин, вообще не упомянутый ранее, там встречается 11 раз). В учебнике по ред. А.М.Панкратовой (1961) А.С.Хомяков, братья И.С. и К.С.Аксаковы, П.В. и И.В.Киреевские упомянуты как «антигерои» — без инициалов.

Гораздо большее внимание в ранних учебниках уделено петрашевцам: глава этого кружка имеет 14 упоминаний. Их судьбы рассматривались подробно, поскольку это позволяло еще раз подчеркнуть для детей жестокость царского режима: «приговоренные к смертной казни пережили весь ужас ожидания смерти: их привезли на площадь, привязали к столбам, на головы надели мешки. Забили барабаны, раздалась команда ... и только после этого им была объявлена царская “милость” — смертную казнь заменили каторгой» (П.П.Епифанов, И.А.Федосов. 1963).

Совсем по-разному освещается в учебниках разных периодов рабочее движение. Ясно заметна разница в упоминаниях его деятелей: например, Степан Халтурин встречается для 1960—1980 гг. 12 раз и занимает 13 позицию, тогда как в таблице в 1990-х гг. он упомянут всего однажды и оказывается в самом конце списка. Другие (В.П.Обнорский, П.А.Алексеев, Е.О.Заславский) не встречаются на современном этапе вовсе, тогда как в учебниках 1960-х гг. их имена приводятся полностью, т.е. с отчествами, что свидетельствует об особой важности этих героев.

Столь существенный разницей заставляет задуматься об истинной роли рабочего движения в истории.

Если в 1960—1980-х гг. оно представлялось как хорошо организованное, со своими руководителями, то ныне описываются лишь некоторые стихийные стачки. При знакомстве с учебниками «трех поколений» отчетливо понимаешь, что некоторые толкования не совсем соответствовали действительности.

В согласии с теорией, в основе которой лежит борьба классов, в учебниках 1960—1980-х гг. очень сильно преувеличивалось значение и размах крестьянских и рабочих выступлений. Вот как повествует о них учебник И.А.Федосова (1975): «В “Союз” [“Северный союз русских рабочих” — Ю.Т.] входило до 200 членов и столько же сочувствующих. Члены “Союза” участвовали в стачках, печатали прокламации, помогали рабочим формулировать их требования».

Подобных сведений в учебниках 1990-х гг. просто нет. Не исключено, что теперь существование массовых рабочих организаций оспаривается или им не придается такого значения, как это было раньше. Отсюда и произошло данное противоречие.

Если рассматривать таких представителей общественного движения, как народники, то можно сказать, что их положение в таблицах по рейтингу практически не изменилось. Особенно это касается трех идеологов: П.Н.Ткачева (15 и 14 места «раньше и теперь»), П.Л.Лаврова (13 и 12), М.А.Бакунина (9 и 5).

Их взгляды подробно описывались, некоторые идеи подвергались критике. В целом же деятельность этих персонажей оценивалась положительно. В настоящем отношении стало прохладнее, но на частоте упоминаний это отразилось мало.

По-иному сложилась ситуация с участниками покушений на Александра II: это особенно заметно по изменению их положения в итоговых таблицах. С.Л.Перовская опустилась на 14 пунктов, А.И.Желябов — на 8, И.И.Гриневецкий — на 10.

Описание первого марта 1881 г. в современных учебниках вызывает жалость к царю как к человеку, с которым случилось несчастье. В более ранних текстах читаем: «Цареубийство произвело огромное впечатление как в России, так и за границей, однако никакого облегчения народу оно не принесло. Место старого царя занял новый». (И.А.Федосов. 1975).

Вместе с тем в итоговой таблице общественных деятелей для 1990-х гг. появляются и даже достаиваются более 20 упоминаний представители либерального народничества, которые в учебниках 1960—1980-х гг. поименно не назывались, но лишь критиковались «в целом».

Таким же было и отношение к движениям, существовавшим одновременно с партией большевиков. Со времени создания РСДРП в учебниках 1960—1980-х гг. вся история общественных движений представлялась как история одной партии. Ни видные деятели, ни программы других подробно представлены не были, хотя подвергались довольно

жесткой критике, которая не отличалась разнообразием.

Но и в повествовании о ранней истории партии (до революции) в учебниках 1980-х гг. (рассмотренные учебники 1960-х гг. освещают только период до февраля 1917 г.) можно заметить некоторые особенности при употреблении имен собственных. Если сначала это были действительно соратники Ленина (по группе «Освобождение труда», по выпуску газет «Искра» и «Правда»), то далее растет число упоминаний тех, кто пал от руки врагов (В.В.Воровский, М.С.Урицкий, Н.Э.Бауман и др.). Упоминаются не слишком значительные персонажи: М.В.Васильев-Южин, опоздавший на броненосец «Потемкин», эсер А.В.Ухтомский, вывезший нескольких участников восстания 1905 г. из Москвы на поезде.

Подлинных руководителей партии (кроме Ленина) на страницах учебников становится всё меньше. Таким образом, для подрастающего поколения еще раз хотели подчеркнуть исключительную роль вождя в подготовке и проведении революции.

В учебниках 1960-х гг. соратники Ленина по партии, имевшие мнение, отличное от ленинского, просто не упоминались. Враги, с которыми Ленин нещадно боролся, принадлежали к другим партиям, разногласия же внутри РСДРП не показывались. Это должно было задним числом продемонстрировать ее единство.

В учебниках 1980-х гг. партийные оппоненты Ленина уже встречаются: Л.Д.Троцкий, в частности, переступил отметку 20 упоминаний. Но присутствуют они в текстах, кажется, лишь для того, чтобы подвергнуться уничтожающей критике.

В учебнике «доперестроечного» издания (И.А.Федосов, И.Б. Берхин. 1982) будущие враги народа упоминаются достаточно часто: Троцкий — 32 раза, Бухарин — 14, Каменев — 8, Рыков и Зиновьев — по 7. Но происходит это только в негативном плане (несогласие с Лениным).

Так, например, Троцкий «фактически спровоцировал военное выступление Германии» (И.А.Федосов, И.Б.Берхин. 1982). Врагов очень легко найти, так как в тексте они упомянуты без инициалов.

Поскольку во время перестройки эти персонажи поначалу реабилитируются, но твердой уверенности в окончательности этого решения нет, в учебнике Ю.И.Кораблева, И.А.Федосова, Ю.С.Борисова (1989) они упоминаются уже с инициалами и не критикуются, но количество самих упоминаний намного уменьшается: Л.Д.Троцкий — 2, А.И.Рыков и Г.Е.Зиновьев — 1.

Вероятно, это следует объяснить как нежеланием авторов противоречить собственным — из книг прошлых лет — высказываниям, так и тем, что дискуссия вокруг этих имен затронула лишь средства массовой информации, а преподавания истории коснулась в последнюю очередь.

В учебниках 1990-х гг. «бывшие будущие враги народа» упоминаются куда чаще, а и их взгляды более не оцениваются однозначно негативно.

Тесно связанными с общественными движениями являются предводители и участники народных выступлений, интерес к которым у учебников 1990-х гг. резко падает. Да и само слово «восстание», которое М.В.Нечкина и П.Б.Лейбенгруб в 1963 г. употребили 27 раз, встречается в значительно более объемном учебнике Л.А.Кацвы и А.Л.Юрганова (1997) лишь трижды.

Впрочем, первые восемь мест итоговых списков вождей повстанцев по учебникам 1960-х и 1990-х гг. годов остались заняты одними и теми же лицами, хотя писать о них стали значительно меньше.

На первом месте (В.И.Ленин исключается) в всех списках находится Емельян Пугачев, однако его рейтинг в общей итоговой таблице существенно снижался: с 8—9 на 16 место. Еще более заметно падение интереса к «бунтарям» на других примерах: Степан Разин с девятой позиции переместился на тридцать шестую, а Иван Болотников — с одиннадцатой на пятьдесят пятую.

Характеристики этих личностей в «доперестроечных» учебниках очень схожи: все они

представляются как защитники интересов народа, который с радостью к ним присоединяется.

Но правительственные войска жестоко (часто обманом) расправляются с повстанцами, «топят в крови» (П.П.Епифанов, И.А. Федосов и др.)

От этой схемы в повествовании никогда не отходят.

В учебниках 1990-х гг. предводители народных выступлений уже не представляются идеальными героями, они могут во время восстания преследовать кроме народных и личные интересы, быть жестокими или недалекими. Действия правительственных войск менее жестокими при этом не становятся, хотя их начальники упоминаются теперь с инициалами и гораздо чаще: А.И.Бибиков — 6 раз вместо 1, И.И.Михельсон — 10 раз вместо 2.

Определенный план в описании остается, но он уже далек от прежнего стереотипа.

Возможно, именно из-за схожести прежних описаний предводители восстаний не остались в памяти респондентов. Емельяна Пугачева и Степана Разина вспомнили лишь по одному разу, другие имена вообще не прозвучали. Не исключено, что в годы советской власти эти персонажи были бы популярнее.

Исторические персонажи не всегда — русские. Однако, несмотря на то что в 1960—1980-е гг. преподавалась история многонационального СССР, представителей иных национальностей, которые упомянуты больше чем 20 раз, в итоговом списке ранних лет всего трое (Тарас Шевченко, Богдан Хмельницкий и Шамиль).

С течением времени такой перечень еще более укорачивается: в 1980-е гг. из «обоймы» выпадает Шамиль. История для школьников выглядит почти полностью «русской», что не могло не ущемлять чувство национальной гордости народов СССР. Стремления как-то изменить положение не видно и сейчас, в 1990-е гг. Учебники по-прежнему не предоставляют достаточной информации по истории народов России: в итоговом списке персоналий практически нет личностей, значимых в национальном масштабе.

Вместе с тем в новейших учебниках находят место совсем иные факты из истории народов России, чем в советский период. В те годы рассказывалось в основном о восстаниях, непомерном гнете царского режима, а в ныне внимание стало уделяться изображению уклада жизни различных народов, его изменениям. Последовательного описания событий в истории той или иной национальности как не было, так и нет.

В прежних учебниках много упоминалось о национальных выступлениях, но эти фрагменты почти всегда не были персонифицированы. В учебнике под ред.

А.М.Панкратовой имена нерусских национальных героев упоминаются по одному, реже — по два раза.

В новейших текстах таких вообще нет. Единственное исключение в недалеком прошлом — башкир Салават Юлаев. В итоговой таблице предводителей и участников народных выступлений он занимает с 5 упоминаниями довольно высокую 11 позицию.

Изменения в оценках фактов из местной истории можно легко заметить при сравнении двух описаний одного и того же события, разделенных двумя десятками лет:

«Сближение горских народов с русским народом способствовало развитию их культуры и экономики. Историческое развитие их быстро ускорилось... Вместе с тем колониальный гнет царизма тормозил развитие народов Кавказа. Произвол и насилия чиновников вызывали законное негодование населения» (П.П.Епифанов, И.А.Федосов);

«Включение Кавказа в состав Российской империи не освободило его население от закрепощения, но придало развитию социально-экономических отношений прогрессивный характер» (В.В.Мальков. 1985).

В первом сообщении присутствует противоречие: вряд ли можно одновременно «ускорять развитие культуры и экономики народов» и то же самое развитие «тормозить». У школьника возникает законный вопрос: стало ли народам Кавказа лучше или хуже?

Во втором случае противоречие снято за счет смещения акцентов: при неизбежности «закрепощения» развитие стало «прогрессивным».

Возможно, не слишком заметная, но существенная перемена в трактовке событий в 1980-е гг. была вызвана обострением национальных отношений в СССР.

При рассмотрении национального вопроса очень важным является эпизод, связанный с образованием СССР, освещение которого резко изменилось после перестройки. В учебниках 1980-х гг. в полной мере применен принцип затушевывания противоречий, которых после победы революции возникать не должно. Поэтому в них не сказано о различных мнениях, существовавших внутри партии о принципах построения союзного государства, о сопротивлении, которое оказывалось новой модели.

Нетрудно видеть, что во все периоды преподавалась в большей степени «история центра», хотя взгляды на местную историю менялись.

После прочтения учебников 1960—1980-х гг. в памяти учеников должны были остаться (более 20 упоминаний) и иностранцы: Наполеон, Маркс, Энгельс и Карл XII.

Ученики 1990-х гг. уже вряд ли смогут запомнить немецких «основоположников», зато им будет предложен более полный список иноземцев, так или иначе повлиявших на российскую историю.

В порядке убывания по частоте упоминаний это — Наполеон, Карл XII, Чингисхан, Батый, Мамай, Фридрих II, Гитлер, Стефан Баторий, Сигизмунд III, Август II, Владислав (пока королевич) и Уинстон Черчилль. В данный список не включены Эрнст Бирон и Максим Грек, упоминаемые довольно обильно: они всё же влияли на отечественную историю «изнутри».

Внешний мир, если верить современным учебникам, выглядит полным воинственных и сильных правителей, стремящихся захватить Россию или плетущих против нее интриги. Приблизительно то же было и раньше, но есть отличие: русские люди, противостоявшие упомянутым персонажам, занимают теперь по рейтингу более высокие позиции.

Александр I опережает Наполеона на 85 упоминаний (зато стали отставать Кутузов, Барклай-де-Толли и Багратион — 5, 63 и 68). Дмитрий Донской впереди Мамаю на 29 случаев, И.В. Сталин — Гитлера на 354, а Петр I выше Карла XII и вовсе на 502 упоминания.

По результатам опроса три человека, не связанные с историей, вспомнили А.Гитлера, а один человек назвал сразу четырех иностранцев: К.Маркса, Ф.Энгельса, У.Черчилля, Д.Буша. Вероятно, можно заключить, что в целом «простые» респонденты не воспринимают зарубежных лидеров в качестве личностей, способных повлиять или повлиявших на нашу историю.

Впрочем, из этой картины выпадают данные опросов студентов исторического факультета. Для них можно наблюдать пять упоминаний А.Гитлера, два — К.Маркса, и два — Чингисхана. В сознании будущих специалистов русская история всё же переплетается с мировой.

Что же касается остальных опрошенных, то для них прошлое и настоящее отечества существует совсем от «остального мира» обособленно. Не имея данных аналогичных исследований по другим странам, трудно сказать, имеем ли мы дело с общей тенденцией или с проявлением национализма.

Особое внимание привлекает падение рейтинга К.Маркса и Ф.Энгельса, наглядно иллюстрирующее известное изречение: «Никто так не изменяет историю, как историки». Стоит только добавить, что речь, видимо, идет об образе прошлого в сознании людей, а под «историками» следует подразумевать авторов учебников (в строгом смысле слова они могут таковыми и не быть).

В целом школьные учебники дают в отношении других стран и их жителей довольно странную картину. Во времена «холодной войны» с ее «железным занавесом» враги-иностранцы упоминались гораздо чаще, чем национальные герои, а характеристики им давались самые негативные. В 1990-е гг. круг «популярных» иноземцев расширяется, но в нем вновь — теперь уже без «мирных» Маркса и Энгельса — полностью преобладают те, кто вел войны против России...

Возможно, что в новых условиях существования нашего общества оно сохраняет старые стереотипы мышления.

Среди врагов внешних особое место занимает представитель Франции — Наполеон Бонапарт, «освоивший» третью позицию в итоговой таблице 1960—1980-х гг. и четвертую — для 1990-х гг.

Стоит добавить, что его характеристики в учебниках вполне негативны. Наполеон предстает перед российскими школьниками крайне властолюбивым.

«Я буду властелином мира», — эти слова П.П.Епифанов и И.А.Федосов вкладывают в уста французского императора. Целей своих он добивается самыми жестокими путями: «В захваченных областях Наполеон установил режим террора и насилия. Отряды захватчиков грабили народ, бесчинствовали в белорусских, украинских и русских деревнях».

Видимо, лидирующее положение Наполеона, Ленина, Сталина и Петра I в текстах, посвященных отечественной истории, можно объяснить стремлением видеть в качестве героев только сильных личностей, которые могут держать всё и всех в своих руках. Тем не менее, рейтинг Наполеона, рассчитанный по учебникам, не сильно повлиял на сознание людей. Представители различных поколений, не связанные с историей, назвали его всего три раза.

При этом половина опрошенных студентов исторического факультета (6 человек из 12) признала его личностью, для русской истории значимой.

С историей других стран отечественная связана в основном темой войны, которая занимает в учебниках различных периодов чуть ли не наибольший объем текста. В процентном отношении количество личностей, связанных с войной, в учебниках 1960—1980-х гг. больше, чем изданиях последующих лет, но абсолютное число их упоминаний практически не изменилось. Соответственно, стало больше «военных персонажей», перешагнувших рубеж в 20 упоминаний. Думается, что тезис о насилии — «повивальной бабке истории» — вовсе не остался в прошлом.

Наоборот, если проводить сравнение частоты упоминаний деятелей культуры и военного дела по учебникам 1960 — 1980-х и 1990-х гг., то окажется, что последние играют более заметную роль в тех, по которым ведется преподавание в настоящее время. Следует также сказать, что такое положение повлияло и на результаты опросов.

Представители поколения, получившие среднее образование в последние десять лет, упомянули военных в 30% случаев, в то время как для 1960—1970-х и 1980-х гг. эти цифры составляют соответственно 14 и 21%.

Р.Майер в статье «Силы демократизации в России: преподавание истории в школе и подготовка новых учебников» называет подобное отношение к насилию (пусть и во многих случаях военному, т.е. «цивилизованному») одним из принципов «тоталитарного» учебника истории. Безусловно, «тоталитарными» современные учебники по многим другим признакам уже назвать нельзя, но над выявленной тенденцией стоит задуматься. Последствия ее, как мне кажется, могут оказаться самыми плачевными.

Огромное внимание к войне и насилию приучит ребенка считать их нормой жизни, основным методом решения проблем.

Определенный интерес представляют «военные лидеры» (речь пойдет о тех, кто еще не рассматривался в этой работе). Список их практически не изменился, хотя внутри него произошли некоторые «подвижки».

А.В.Суворов опустился с третьего места на одиннадцатое, а М.И.Кутузов — наоборот — поднялся с седьмого на пятое. Внешние изменения видятся незначительными, хотя они также могут оказаться важными при сравнении характера повествований о военных действиях в учебниках разных периодов.

В связи с изменениями в этих эпизодах возможно говорить о переосмыслении значения войн. В 1960—1980-е гг. любые войны, которые ведет наша страна, представляются как справедливые.

На Россию всегда нападают «захватчики», наши же войска, ведущие войны на чужой территории, лишь защищают интересы России (по принципу: «лучший способ обороны — нападение») или помогают угнетенным народам.

Впрочем, это правило характерно не только для отечественного преподавания истории. Марк Ферро в своей книге «Как преподают историю детям в разных странах мира» приводит аналогичные примеры и для других стран.

Но в учебниках 1990-х гг. наблюдается отход от этой тенденции.

«Не следует забывать и об агрессивном, захватническом характере войн Российской империи во второй половине XVIII в.». (А.Л.Юрганов, Л.А.Кацва. 1999).

Эту фразу авторы учебника выделители, что я и воспроизвожу.

В отношении же А.В.Суворова и М.И.Кутузова можно заметить, что сумма упоминаний этих двух полководцев практически не изменяется. Они как бы составляют пару (есть еще такие пример — К.Маркс и Ф.Энгельс, Л.Каменев и Г.Зиновьев). Респонденты, включившие эти имена в свои списки, почти всегда называли их вместе.

Сравнивать характеристики А.В. Суворова и М.И.Кутузова и других героев-полководцев по учебникам разных периодов достаточно поучительно: в советский период они предстают идеальными героями, а в учебниках 1990-х появляются и другие мнения. После прочтения описаний нескольких войн и характеристик полководцев можно выделить основные моменты повествований, которые в 1960—1980-х гг. не нарушались практически никогда и от которых стали отходить в последнее время.

В прошлом при описании боевых действий выбирались один или несколько героев, благодаря которым вся война и выигрывается. Остальные персонажи принижаются. («Военный советник царя — немецкий генерал Фуль — выдвинул свой план ведения войны, который совершенно не соответствовал обстановке» (П.П. Епифанов, И.А.Федосов. 1963).

Рядом — характеристика Кутузова: «Чтобы привести армию к победе, во главе ее должен стоять полководец, который знал страну, которому верили бы войска и народ».

Примечательно, что проходить эту тему на уроках истории школьники должны были параллельно с изучением «Воины и мира» Л.Н.Толстого на уроках литературы.

Там автор полностью отрицает какое-либо значение в действиях всех полководцев, включая и М.И.Кутузова, и Наполеона. Война у Толстого развивается независимо от их воли, часто вопреки их намерениям.

Преподаватели литературы, как мне рассказывали, выходили из этого положения, приписывая Кутузову — по тексту «Войны и мира» — гениальное в своей простоте «невмешательство» в ход событий.

В учебниках 1960—1980-х гг. найти что-либо, порочащее главного героя, обычно невозможно. Поражения войск под его командованием либо замалчиваются (см. главу о событиях), либо вся ответственность возлагается на неправильную политику царизма или союзников. «Австрийские генералы часто срывали замыслы Суворова, действовали медленно, нерешительно» (П.П.Епифанов, И.А.Федосов 1963).

Только в учебнике следующего поколения могла встретиться фраза, которая воспринимается негативно: «В октябре 1794 г. Суворов штурмом овладел предместьем Варшавы — Прагой — и вступил в польскую столицу. Русское правительство высоко оценило заслуги генерала — именно за эту карательную кампанию Суворов получил чин фельдмаршала». (А.Л.Юрганов, Л.А.Кацва).

Героя обязательно должен поддерживать и любить народ. Впрочем, положительный герой также не забывает о народе — простых солдатах.

«В солдате он видел прежде всего человека, которого нужно беречь и о котором следует заботиться», — так описывается содержание «Науки побеждать» А.В.Суворова.

(Б.А.Рыбаков. 1989).

Описания личных качеств, проявленных успешными полководцами, изменениям почти не подвержены.

Надо думать, что они (предвидение, мужество, полководческий талант) не нуждались в корректировке, поэтому авторы всех периодов единодушны:

«Победу обеспечили героизм простых русских воинов и быстрые умелые действия Александра» (М.В.Нечкина, П.Б.Лейбенгруб. 1968);

«... смелый, талантливый полководец. Он решил действовать решительно». (Б.А.Рыбаков. 1989).

«Получив известие о вторжении шведов, Александр сразу проявил себя решительным и смелым военачальником». (Л.А.Кацва, А.Л. Юрганов. 1997).

Стиль и слог, как видим, практически не изменились.

Особое место на страницах школьной учебной литературы в советский период занимают «представители народа», т.е. руководители и участники ополчений, партизанских отрядов. К настоящему времени их характеристики и абсолютное количество упоминаний их имен остались на прежнем уровне, однако рейтинг существенно понизился.

До перестройки Д.Пожарский имел 25 упоминаний — ровно столько же, сколько и К.Минин. Оба — опять пара — занимали 13 место. Для 1990-х гг. Д.Пожарского 22 упоминания (31 место), а К.Минин — уже 36-й, упомянут лишь 16 раз (даже не перешел «рубеж запоминаемости»).

Снижение позиции в рейтинге здесь объясняется не только «классовым подходом», — Минина превозносили как «человека из народа», — но и появлением новых значимых персонажей.

На лидирующие позиции вышли многочисленные князья, которые в учебниках 1960-х часто не упоминались вовсе. Разумеется, многое из того, что о них рассказывается, относится к их государственной (не чисто военной) деятельности, но это — менее существенно, так как внимание учащихся всё равно смещается с одного героя на других. Описанное явление подтверждает общую тенденцию увеличения в текстах количества государственных деятелей и их упоминаний, т.е. превращения истории России в историю развития государственных институтов и жизнеописание высших сановников.

Конечно, одной из «технических» причин такого количественного роста является и то, что царей, императоров и других государственных деятелей в учебниках 1990-х гг. всё чаще стали называть по именам, тогда как в учебниках 1960—1980-х гг. чаще использовались нарицательные слова типа «царский режим», «царизм», «князья» и пр.

Наблюдаемый перевес истории политической подтверждается и по опросам. Ученики 1990-х гг. выделили в качестве значимых гораздо больше государственных деятелей, нежели их старшие товарищи. Такие персонажи составили 62% всех имен в «молодежных списках», а удельный вес их упоминаний достиг 87%.

Для сравнения: изучавшие историю в 1960—1980-х гг. дали цифры лишь 29% имен и 50% упоминаний «государственных мужей».

Впрочем, здесь необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что у молодых уроки истории еще свежи в памяти, а ученики 1960-х забыли многих персонажей школьного курса, обращаясь к именам тех, кто связан с их профессией или увлечениями (см. далее о деятелях культуры).

Среди личностей, которые попали в итоговые таблицы деятелей власти и войны много великих и удельных князей, которые особенно высоко поднялись как по рейтингу, так и по количеству упоминаний.

В 1990-х Святослав Игоревич поднялся на 80 упоминаний и 10 позиций, хотя такой перевес был ему обеспечен в основном за счет учебника В.И.Буганова и А.Н.Сахарова (1997).

В то же время существенно изменились характеристики этого князя. В учебниках 1960—1980-х гг. они только положительны, тогда как в учебнике Л.А.Кацвы и А.Л.Юрганова (1997) приводится мнение о том, что во время его заграничных походов внутренние дела Руси пришли в упадок.

Радует, что выше Святослава в учебниках 1990-х поднялся его сын, Владимир Святой.

Вероятно, это свидетельствует о некотором приоритете духовной сферы, которая — редкий случай — оказалась важнее, чем воспитание патриотизма на примерах успешного ведения внешних войн.

Вместе со Святославом впечатляющий скачок вверх совершило в 1990-е множество князей. Во многом это объясняется тем, что раньше, когда идеализировалось сильное государство, описание «периода феодальной раздробленности» не персонифицировалось, а борьба за различные княжеские столы в учебниках практически не отражалась.

Упоминания о ней, разумеется, встречаются, но они абсолютно безлики. В списках по учебникам 1960—1980-х гг. присутствует всего 12 князей, деятельность которых приходилась на период до создания централизованного государства. Всего 5 из них перешли рубеж в 20 упоминаний.

Для новых учебников подобное количество упоминаний имеют 23 персонажа того же периода. Впоследствии тенденция сохраняется.

Это можно проследить, сравнив количество упоминаний участников феодальной войны при Василии II Темном. Кроме имени самого великого князя, других в старых учебниках не встречается. В новых изданиях этот период описывается с привлечением персональных характеристик, которые меняются принципиально.

Раньше при описании деятельности того или иного князя часто использовался прием неполного освещения.

Так, например, Ярослав Мудрый характеризовался только положительно, так как при нем Русь, объединившись, приобрела огромное могущество. Чтобы не разрушать светлый образ князя, олицетворявшего излюбленную идею о прогрессивности сильной центральной власти, его несколько отделили от «Русской правды» — «закона, охраняющего прежде всего собственность и жизнь феодала». В связи с этим памятником Ярослав Владимирович упоминается только один раз (М.В.Нечкина, П.Б.Лейбенгруб. 1966).

В современных учебниках деятельность Ярослава Мудрого также предстает как позитивная, однако акценты смещены как раз в сторону законодательной деятельности, в «Русской правде» отмечается прогрессивность.

К другой категории князей относятся те, чье положение по рейтингу понизилось. Это — Александр Невский (22-е вместо 8-го места) и Игорь Святославич (36-е вместо 16-го). Большое количество упоминаний Игоря в учебниках 1960—1980-х гг. было связано с развернутым повествованием о восстании древлян. Оно представлялось как одно из первых выступлений, носивших классовый характер.

В новых учебниках классовая борьба перестала быть необходимым элементом повествования, что сказалось на позиции ее жертвы — киевского князя.

Сложнее обстоит дело с Александром Невским. По старым учебникам, где он упомянут больше 20 раз, этот князь явно лидирует. Там Александр Ярославич — самая яркая фигура, а наибольшее количество упоминаний его имени относится к знаменитым сражениям. В описаниях битв подчеркивается его героизм и патриотизм, хотя идея защиты православия полностью игнорируется.

Несколько «портит» впечатление лишь единичное сообщение о подавлении Невским новгородского восстания против татарских «численников».

В новейших учебниках деятельность этого князя рассматривается с точки зрения разумного сомнения. Не забывая о победах, авторы упоминают о тесном сотрудничестве Александра с татарами, вменяя ему в вину использование сил орды во внутренних усобицах (Неврюева рать).

Парадоксально, но неоднозначность современной оценки прибавила Александру Невскому популярности: среди людей, включивших его в список значимых для истории персонажей, подавляющее большинство составляет молодежь.

Различия в характеристиках правителей нарастают по мере приближения к современности. Особенно заметны становятся они после Смутного времени, до которого

сходство сохраняется.

Яркий пример тому — Борис Годунов, количество упоминаний о котором почти не изменилось и позиция которого сохраняется (12-е и 15-е места).

Правители более позднего периода в учебниках 1960—1980-х гг. характеризовались почти всегда отрицательно (о Петре Великом речь уже не идет). Вероятно, это связано с тем, что власть стала абсолютной и усилилась «эксплуатация зависимого населения».

(П.П.Епифанов, И.А.Федосов.1963).

Контрреформы, усиление гнета, различные ограничения описывались очень подробно. Полностью прогрессивного от царей ожидать не приходилось.

Реформа 1861 г. названа грабительской, так как большая часть земли осталась в руках помещиков.

В учебниках 1990-х те же факты характеризуются как крупное достижение царского правительства, поскольку учтены оказались интересы практически всех слоев общества.

На страницах учебной литературы стали чаще встречаться имена государственных деятелей: М.М.Сперанского, К.Ф.Канкрин, С.Ю.Витте. Ранее же единственным из всех министров, кто был упомянут 4 (тоже немного) раза является П.А.Столыпин.

Новая ситуация отразилась и в результатах опросов, где о подобных персонажах вспоминали в основном школьники конца 1980-х — начала 1990-х гг.

Их предшественникам вспоминать было особо нечего: в прежних учебниках, посвященных истории XIX в., нет даже отдельных разделов, где бы рассказывалось о политическом развитии страны: только экономика и общественные движения.

История представляется здесь однобокой: получается, что только революционные организации и их сторонники совершали какие-либо действия, направленные на улучшение жизни населения.

В учебниках конца 1980-х гг. это положение немного исправляется. В 1989 г. там можно увидеть упоминания В.К.Плеве, С.Ю.Витте, П.Д.Святополк-Мирского, причем с инициалами, что, как мы видели, важно (Ю.И.Кораблев, И.А.Федосов, Ю.С.Борисов).

Таким образом, сделанный ранее вывод о том, что история, преподносимая детям, стала в большей степени политизирована, обязательно нужно дополнить соображением об исправлении прежнего дисбаланса.

Личности, связанные с культурой, занимают в учебниках любого времени позиции не слишком высокие. В процентном отношении они уступают по количеству упоминаний и государственным деятелям, и военным, и многим другим.

Однако их общее число превалирует абсолютно. Это положение в полной мере отразилось и на результатах опросов. Деятелей культуры вспоминали многие, но редко кто из них имеет более 2—3 упоминаний. Это связано с тем, что опрашивались представители множества профессий, которые высоко оценивали «своих» героев.

В ответах учителя математики присутствовали сразу Н.И.Лобачевский, Н.Е.Жуковский, С.П.Королев; филолог назвал Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Андреева...

Возможно, что популярность ученых и деятелей искусства связана и с тем, что в свое время в школе гораздо качественнее изучали математику или литературу, чем историю.

В области культуры безусловным лидером в опросах стал А.С.Пушкин. В учебниках же его опережают уже знакомые нам В.Г.Белинский, Н.Г.Чернышевский, А.И.Герцен, а также М.В.Ломоносов.

Ситуация понятна, так как сведения о писателях, художниках и др. сообщаются не только и не столько на уроках истории, где личности рассматриваются скорее в связи с их общественной деятельностью, нежели с творчеством.

Вообще, если говорить об описании культуры в учебниках различных периодов, то необходимо признать, что количественный прогресс здесь налицо. Увеличивается число ученых-гуманитариев и их упоминаний. Широко представлены имена историков, ранее отсутствовавшие.

Очень сильно выросли процентные показатели по личностям, связанным с религией, а

самой ей стали уделяться отдельные пункты и целые параграфы. Попытки разделения искусства и науки на отдельные сферы представляются не слишком плодотворными, так как почти все упоминания единичны.

ВЫВОДЫ

(Их можно условно разделить на две группы)

1. Об истории и ее преподавании в школе

История была и остается (пусть в меньшей степени) крайне политизированной наукой. Поэтому ее преподавание зависит от основополагающей идеологии государства и от той модели общества, которую в нем стремятся осуществить. В зависимости от этого образца меняется не только описание событий и количество упоминаний личностей, но сам учебник и манера преподавания.

Если в 1960—1980-е гг. стремились построить единое, послушное общество, где нет каких-либо индивидуальных мнений, то и учебники соответствовали этой задаче в полной мере. Допускалось лишь одно, «единственно верное» толкование материала.

В 1990-е гг. от этого принципа стали отходить. Все чаще после параграфа можно встретить документы или отрывки из трудов различных историков, иллюстрирующие противоположные мнения. Появились и исключавшиеся ранее вопросы: «Подумайте...», «Сформулируйте свою точку зрения...» и т.д. Всё это отвечает потребностям развития каждого человека как индивидуальности.

Детский образ истории субъективен и во многих случаях очень устойчив. Именно поэтому люди, историческое образование которых закончилось в школе, почти в точности воссоздают ту картину, которую им преподнесли учебники.

Существенным отличием образов истории у представителей различных поколений является отсутствие или наличие схем. В пособии П.П.Епифанова и И.А.Федосова (1962) сказано: «История СССР убеждает нас в том, что человечество идет по пути, указанному великими вождями и учителями Марксом, Энгельсом и Лениным, — по пути к коммунизму». Таким образом, история представляла собой интерес не как наука, а как доказательство истинности теории формационного развития общества. На этом и было основано всё преподавание, это определяло критерий отбора фактов и персонажей для учебника.

В 1990-е большинство учебников строится именно по принципу отбора фактов, максимально для прошлого значимых. Более заметны вкусы и пристрастия авторов, поэтому говорить о едином образе истории для поколения 1990-х гг. много сложнее, если вообще позволительно.

Ясно только, что таких образов много и различаются они существенно.

2. О влиянии этой работы на меня лично

Во-первых, у меня зародилось огромное недоверие к моим учебникам и многим еще не достаточно доказанным выводам. Возможно, произойдет еще не один переворот во взглядах, и тогда уже наши потомки будут недоумевать, листая страницы современных книг.

Во-вторых, появилось желание увидеть идеальный учебник, который бы не просто давал знания, но еще и благотворно влиял на ученика, помогал каждому сформировать свой собственный образ истории, пусть и несколько отличный от всех других. Этот учебник мог бы содержать только неоспоримые даты, описания событий и личностей, схемы государственного устройства и данные о развитии экономики, но не какие-либо готовые выводы, оценки. Необходимы также публикации источников, мнений различных историков. Наряду с историей институтов власти, также может уделяться больше места

для повествования об истории повседневности. Это поможет сделать учебный предмет более привлекательным. Для изучения материала по культуре в комплект с учебником можно вкладывать видеофильмы и аудиозаписи.

Конечно, только учебник не может полностью изменить ситуации. Необходим также хороший учитель.